

Т. Н. Жуковская, Е. А. Калинина

**«ОТ АЗБУКИ ДО УНИВЕРСИТЕТА»:
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В УЧЕБНОМ ОКРУГЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.***

Статья посвящена раннему периоду реформы университетов и средней школы, которая проходила взаимосвязанно. С образованием системы учебных округов университет курировал учебную, кадровую и хозяйственную деятельность училищ всех уровней на территории подведомственного округа. Педагогический институт в Санкт-Петербурге и его преемник — Санкт-Петербургский университет осуществляли одни и те же функции. Показаны специфика столичного учебного округа и масштабы административной деятельности Санкт-Петербургского университета. В ходе этой реформы иерархия школ становилась социальным институтом рекрутирования в науку, преподавание, образование, по сути своей внесословным и экстерриториальным, поскольку управление школами выводилось из прямого подчинения местным губернским властям и передавалось университетам. Библиогр. 24 назв.

Ключевые слова: национальная модель университета в России, учебные округа, Санкт-Петербургский университет, система управления образованием.

T. N. Zhukovskaya, E. A. Kalinina

**“FROM THE ABC-BOOK TO UNIVERSITY”:
ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF ST.-PETERSBURG UNIVERSITY IN
EDUCATIONAL DISTRICT IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY**

The article is devoted to early period of universities' and high schools' reforms, which were interconnected. With the formation of system of educational districts the university was the guardian of educational, staff and household activities of all schools on the territory of dependent district. St.-Petersburg Pedagogical Institute and later St.-Petersburg University realized the same functions. Specific features of the capital educational district and a large range of administrative activities of St.-Petersburg University are described in the article. During this reform schools' hierarchy became the social institute of recruiting into science, teaching, and education. In reality it became extra class and extraterritorial, because schools' control was taken out of direct jurisdiction of governor's authorities and was handed over to universities. Refs 24.

Keywords: Russian national model of University organization, school districts, Saint-Petersburg university, ruling system for education.

Современные исследования по истории российских университетов демонстрируют более пристальное, чем раньше, внимание к их социальной миссии. Тем самым в порядок дня ставится задача реконструкции всей системы межуниверситетских,

Жуковская Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; tzhukovskaya@yandex.ru

Калинина Елена Александровна — кандидат исторических наук; kalinka46@yandex.ru
Zhukovskaya Tatiana N. — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; tzhukovskaya@yandex.ru
Kalinina Elena A. — Candidate of History; kalinka46@yandex.ru

* Статья подготовлена при поддержке НИР по теме «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть», мероприятие 2 СПбГУ. Шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.98.2012.

общественных, административных связей, складывавшихся вокруг «оазисов в пустыне», какими представлялись университетские города в дореформенной России.

Прежде всего следует заметить, что сходство российских университетов с их европейскими прообразами в лице университетов немецких в период действия первых университетских уставов (1803–1835 гг.) не стоит преувеличивать. Трансфер «университетской идеи» в Россию через немецкие источники, о котором в последнее время много говорится [1; 2], не был единственным содержанием процесса формирования национальной модели университета. В этой модели, по крайней мере в рассматриваемый период, были синтезированы немецкие принципы организации научной деятельности и техник обучения с австрийско-польским опытом управления иерархией подведомственных училищ, с «французской» номенклатурой кафедр и специализаций и, конечно, с российской патрональной моделью управления. Последняя характеризуется всесторонним контролем государства за деятельностью университета, множественностью административных инстанций, системой отношений, отягощенной иерархией чинов, которая существенно микшировала систему ученых степеней и званий.

Традиционно работы по истории высшей и средней школы дореформенной России сосредотачивались на изучении отдельных учебных заведений или одной ступени школьной иерархии (например, высшей школы) в контексте правительственной политики. Сам механизм управления системой просвещения, характер взаимодействия между ее звеньями, редко попадал в фокус специального внимания. Поэтому миссия университета как административного звена в школьной иерархии, направления его влияния на систему училищ исследованы лишь локально, на примере Харьковского университета [3].

Между тем очевидно, что создать представление о *системе* университетов, пока их историописание разорвано на территории, невозможно. Тем более этой «системы» не выстроить без Петербургского университета (до 1819 г. Педагогического института, Главного педагогического института), который комплектовал профессорскими и учительскими кадрами все округа империи, не исключая Виленский и Дерптский. Ни один другой университет не осуществлял в рассматриваемое время столь мощной кадровой экспансии, поскольку нигде более не была поставлена последовательная подготовка к «учительской должности».

Цель статьи — на примере столичного университета реконструировать систему его административных связей в границах подведомственного учебного округа и за его пределами. Это позволит уточнить специфику университетов Российской империи в период их институционализации.

Наши наблюдения стали результатом комплексного изучения делопроизводства Санкт-Петербургского университета, его непосредственного предшественника — Педагогического института в Петербурге, а также фондов дирекций училищ Олонецкой, Архангельской, Вологодской губерний в составе областных архивов. Исследованы законодательные и подзаконные акты, определявшие статус училищ и порядок управления ими.

Вступление на престол Александра I ознаменовалось курсом на углубление реформ, начатых Екатериной II в области просвещения. Манифестом от 8 сентября 1802 г. было образовано Министерство народного просвещения (МНП), само название которого обозначало курс на преодоление элитарности и создание многоуровневой школьной системы для разных сословий.

Принципы новой системы были изложены в «Предварительных правилах народного просвещения» (1803), Уставе для Московского, Харьковского и Казанского университетов (1804), «Уставе учебных заведений, подведомых университетам» (1804). Вся Россия была разделена на шесть учебных округов, по числу открытых или предполагаемых к открытию университетов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Виленский, Дерптский. Университет становился в пределах своего округа центральным звеном управления системой училищ трех уровней, подведомственных МНП. Это были «гимназии, уездные, приходские и другие под каким бы то ни было названием, училища и пансионы, находящиеся в губерниях, к каждому университету причисленных» [4]. Помимо прямой подчиненности университет формировал механизм разнообразного косвенного влияния на систему училищ: через выпускников университета, направляемых в них в качестве учителей, через практику экзаменов на право преподавания для педагогов, осуществлял контроль за учебными пособиями. Санкт-Петербургский университет, распределяя своих выпускников на вакантные должности, мог влиять на преподавание общеобразовательных предметов не только в училищах ведомства МНП, но и в привилегированных (лицей), ведомственных (Горный институт), благотворительных и даже в военно-учебных заведениях столицы.

Границы столичного учебного округа в течение трех десятилетий неоднократно менялись. С 1803 до 1824 г. в его состав входили Петербургская, Архангельская, Олонецкая, Новгородская и Псковская губернии. В 1824 г. границы округа значительно расширились за счет центральных и западных губерний, к округу были присоединены Вологодская, Витебская, Могилевская, Смоленская и Калужская губернии. Новгородская же дирекция народных училищ была передана Московскому учебному округу. С 1829 г. в составе округа остались шесть губерний: Санкт-Петербургская, Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Смоленская и Калужская, а с 1831 г. вместо Калужской округу была возвращена Новгородская губерния. Отметим, что в течение первой трети XIX в. менялись границы всех учебных округов. Так, в составе Харьковского учебного округа в 1803 г. было девять губерний, а к 1836 г. осталось только две [3, с. 12–13].

Из губерний С.-Петербургского учебного округа наиболее слабозаселенной была Олонецкая, с неразвитой сетью дорог, малым количеством крупных поселений. Единственным городом, сложившимся вокруг крупного промышленного предприятия (Александровского чугунолитейного завода), имевшим в первой половине XIX в. городскую по стилю хозяйственную и культурную жизнь, был Петрозаводск. Однако в нем уже с 1796 г. действовало Главное народное училище. Главные народные училища, открытые в губернских городах при Екатерине II, постепенно преобразовывались в губернские гимназии. В Вологде это произошло в 1804 г., в Петрозаводске и в Архангельске — в 1811. Малые народные училища в уездных городах реформировались в уездные училища (в 1804 г. в Вологодской губернии было открыто 5 уездных училищ, в 1808 г. в Олонецкой — 4, в 1811 г. в Архангельской — 3). Кроме того, появляются городские и сельские приходские училища: в Вологодской губернии в 1808–1810 гг. было открыто 11 таких школ, в Олонецкой в 1804–1805 гг. — 24, в Архангельской в 1805–1810 гг. — 12.

Права и функции университета по управлению и контролю за училищами в подведомственном учебном округе определяла 15-я глава университетского Устава

«Об управлении и надзирании училищ». Университет представлял попечителю ежегодный отчет и подробные сведения о состоянии дел в подведомственном округе. В университете создавался Училищный комитет из профессоров, который ходатайствовал перед Советом университета о награждении и поощрении учителей, а также об увольнении с должности, если «они окажутся недостойными звания». Эти предложения утверждались Советом и представлялись попечителю [5, стб. 297–298]. До открытия Санкт-Петербургского университета в собственном статусе (1819) и распространения на него устава Московского университета (1824) выбор губернских директоров училищ и назначение учителей зависело от попечителя. Ему же представлялись отчеты о деятельности училищ, тогда как в других университетских округах эти вопросы изначально находились в ведении Училищного комитета и Совета профессоров. Однако и в этот период у Педагогического института в Петербурге и его преемника, Главного Педагогического института имелись разнообразные рычаги административного влияния на училища округа.

Главой 15-й Устава 1804 г. «Об управлении и надзирании училищ» определялись права и обязанности университета по управлению и контролю за училищами в подведомственном учебном округе. Формой прямого контроля за деятельностью училищ были визитации (обозрения) учебных заведений профессорами, которые назначались по выбору Совета университета из числа членов университетского Училищного комитета, составленного из шести ординарных профессоров под председательством ректора. Каждому визитатору поручали «одну или две губернии по местному положению для осмотра» [5, стб. 298–299]. Эта практика была распространена и на Педагогический институт, в котором также был создан Училищный комитет. Путевые расходы визитаторам определялись из штатной суммы университета. По штату Главного педагогического института на содержание визитатора по Санкт-Петербургскому округу выделялось 4 тыс. руб., кроме того, на путевые издержки отпускалось еще 200–300 руб. по усмотрению Конференции профессоров, в зависимости от дальности поездки. Поездки профессоров по губерниям округа происходили 1–2 раза в год, посещения училищ, находившихся в Петербурге и городах столичной губернии, были более регулярными. Профессор-визитатор мог сопровождать попечителя учебного округа в его поездках по губерниям, а мог совершать инспекцию и самостоятельно.

Визитатору вручались специальные «наставления», которые составлялись попечителем для каждой ревизии отдельно. Предполагалось, что визитаторы не только осматривают училища и представляют отчеты об их состоянии, но и агитируют местных жителей в пользу просвещения или, как сказано в одном из «наставлений», «должны вести беседу с гражданами и дружески внушать пользу учения и советовать, чтобы они отдавали детей в училища» [6, л. 3]. Ко времени визитации привязывалось открытие новых училищ. Так, профессор философии Педагогического института П. Д. Лодий, инспектировавший столичный учебный округ в 1811 г., участвовал в торжественных церемониях открытия Олонекской и Архангельской губернских гимназий, а также уездных училищ.

Прибыв на место, визитаторы сначала знакомили директора училищ и учителей с данными им от попечителя «наставлениями», затем приступали к обозрению учебных заведений. Инспектирование редко выходило на уровень приходских сельских школ, обычно осмотру подвергались гимназии и уездные училища. Столичные

проверяющие не посещали наиболее отдаленных мест, полностью полагаясь на отчеты смотрителей уездных училищ. При этом велись подневные записки (журналы) визитаций.

Во время обозрений профессора-визитаторы интересовались ходом учения, посещали классы гимназий и уездных училищ, проводили испытания учащихся, просматривали текущее школьное делопроизводство, беседовали с педагогами. В этих беседах особое внимание уделялось вопросам методики преподавания учебных предметов, наличия учебников и учебных пособий, выполнения учителями обязанностей по организации экскурсий, составлению истории гимназий, ведению метеорологических наблюдений. Особого одобрения со стороны профессоров заслуживало представление учителями различных записок-комментариев к учебникам и учебным пособиям. По окончании осмотра визитатор проводил общее собрание учителей гимназии, а вернувшись в столицу, должен был представить Училищному комитету письменный отчет о результатах обозрения, отражая в нем состояние осмотренных училищ, качество подготовки учителей и преподавания, качество знаний учащихся. Отдельно оценивалась в отчете деятельность директора народных училищ каждой губернии, «какую наклонность привил он в жителях к заведению приходских училищ и вообще к просвещению» [6, л. 7]. Отчеты визитаторов заслушивались в Училищном комитете, а затем в общем собрании профессоров и только после этого представлялись попечителю округа.

Визитаторы обязаны были также обращать внимание на нравственный облик наставников и в своих отчетах доносить об их поведении, настроении, образе жизни. В 1834 г., по итогам ревизии Олонецкой губернии, в своем отчете попечитель учебного округа М. А. Дондуков-Корсаков отмечал: «Нравственное направление наставников и юношества подает самые утешительные надежды, <...> педагоги гимназий пользуются уважением и заслуживают отличную похвалу» [7, с. 35–41]. Представления визитаторов, включавшиеся в отчет попечителя округа, были важным условием карьерного роста педагогов: перехода на более престижное место службы, получения награды или следующего чина, повышения в должности, прибавки к жалованию.

Вместе с тем для губернских директоров народных училищ такие обозрения открывали возможность решить многие организационные и финансовые вопросы на месте с прибывшим из столицы представителем окружного начальства. По ходатайству визитаторов увеличивались суммы на содержание училищ и жалование конкретным педагогам, перестраивались или приобретались училищные здания, изменялся режим преподавания, вводились новые предметы. Так, в сентябре 1811 г. во время ревизии П. Д. Лодием Архангельской губернии «возбуждены были вопросы о прибавке квартирных денег учителям и покупке у Приказа общественного призрения дома, в котором помещалась гимназия» [8, с. 27]. Визит столичного чиновника привлекал внимание к училищам со стороны провинциальных благотворителей.

Визитаторы обращали внимание на организационные и финансовые проблемы училищ, оценивали методику преподавания учебных предметов. Важны были и личные контакты профессоров с учителями гимназий, многие из которых были бывшими студентами Педагогического института и университета, что в отчетах также подчеркивалось. Так, попечитель Петербургского учебного округа С. С. Уваров в своем докладе министру народного просвещения А. К. Разумовскому по результа-

там ревизии Олонецкой дирекции в 1811 г. профессором П. Д. Лодием сообщал, что учителя осмотренных гимназий «в полной мере признательны к правительству и начальству за образование свое» [9, л. 11 об.]. Впрочем, под «образованием» имелось в виду и само устройство училищ.

В своих отчетах визитаторы уделяют внимание не только состоянию училищ, но и материальному положению учителей, условиям их труда и быта. Данный источник, включенный в университетское делопроизводство, наряду с разрозненными формулярными списками учителей, сохранившимися в провинциальных архивах, отражает повседневную жизнь этой малоизученной социальной группы, позволяет восстановить социальные и бытовые характеристики «учительской должности», проследить судьбу выпускников университета — от распределения к месту службы до отставки или смерти, а также судьбу их потомков, многие из которых также стали учителями, формируя местные династии [10].

Контроль университета над учителями затрагивал и их личную жизнь, поскольку учителя испрашивали разрешение на брак у директора народных училищ, а тот в свою очередь — у университетского и окружного начальства [11, л. 382; 12, л. 33].

Профессор В. Г. Кукольник в отчете об обозрении учебных заведений Санкт-Петербургской губернии в 1815 г. писал о бедственном положении учителей: «Штатное жалование... при нынешнем понижении курса Государственных ассигнований и возвышении почти в такой же пропорции дороговизны на все потребности, относящиеся к первейшим нуждам человека, весьма недостаточно для их содержания, особливо же при многочисленном семействе, которым по большей части они обременены. Они, будучи непрерывно с утра до вечера заняты трудною своею должностью, не только не имеют времени приобретать что-либо со стороны, но и утомляясь ежедневными трудами, лишаются сил, требуемых для посторонних занятий» [13, л. 16].

Картина нелегкого повседневного труда учителей воспроизводится в отчетах визитаторов по другим округам. Так, профессор Московского университета М. Т. Каченовский, инспектировавший в 1818 г. Ярославскую и Костромскую училищные дирекции, сообщал: «Состояние учителей есть одно из самых невыгодных, от чего не многие места занимаются людьми, отлично достойными, а некоторые остаются по нескольку лет праздными. Учителя, отправляя весьма трудную свою должность и довольствуясь малым, соразмерно трудам их, жалованием, имеют против себя еще весьма сильного неприятеля, который лишает их законно принадлежащего, существенного сокровища — уважения публики» [14, с. 108]. Под «неприятелем» профессор имеет в виду учительскую бедность.

В период прямого управления училищами университеты способствовали открытию новых гимназий в своих учебных округах. Вологодская гимназия была открыта в 1804 г. в присутствии профессора Московского университета Н. Е. Черепанова. Торжественное открытие гимназий в Архангельской и Олонецкой губерниях произошло в 1811 г. во время визитации профессора Петербургского педагогического института П. Д. Лодия. В Петрозаводске по случаю открытия гимназии всем губернским чиновникам заранее были разосланы приглашения, а для оповещения горожан на улицах города развесили объявления о предстоящем торжестве. 15 ноября 1811 г. в 8 часов утра в гимназическом зале собрались приглашенные гости, учителя, ученики. После молебна и литургии участники церемонии прошли от Со-

борной площади до гимназии. Затем в здании гимназии продолжилось торжественное собрание, на котором с речами выступили П. Д. Лодий, олонецкий гражданский губернатор В. Ф. Мертенс, учителя и ученики. При этом визитатор предварительно просмотрел и одобрил тексты заготовленных речей. Некоторые гости тут же сделали пожертвования в пользу гимназии на сумму 400 руб. Праздник был продолжен в доме губернатора, на праздничном обеде, куда были приглашены духовенство и училищные чиновники [15, л. 1–2].

В то же время для университетских профессоров визитации становились дополнительной нагрузкой и отрывали их от основных занятий. Эти поездки обычно занимали не менее 2–3 месяцев, причем происходили не в летнее (вакационное) время, а в середине учебного года, осенью или зимой: по плохим дорогам, с неустойчивостью дорожного быта. Эти тяготы, а также необходимость составления подробных отчетов лишь отчасти возмещались двойным окладом жалования визитаторам на время путешествия.

В форме визитаций и на постоянной основе университет осуществлял руководство преподаванием, снабжение пособиями, аккумулировал и транслировал фактическую информацию о положении дел на местах. Благодаря тесной связи университета с подведомственными учебными заведениями ректор университета владел полной информацией о состоянии училищ на территории округа, о чем можно судить по делопроизводственным документам. Так, 14 февраля 1828 г. попечитель округа К. М. Бороздин потребовал от ректора Петербургского университета А. А. Дегурова срочно доставить сведения по Олонецкой гимназии, «когда она была учреждена, сколько в ней преподавателей и учеников и какая сумма в год на содержание отпускалась» [16, л. 1]. Предписание было получено ректором в 6 часов вечера 14 февраля, и в тот же день (!), по имевшимся в канцелярии Училищного комитета университета документам (формулярным спискам учителей, отчетам, исторической записке об Олонецкой гимназии и пр.), был составлен подробный рапорт о состоянии гимназии в Петрозаводске. Уже утром 15 февраля этот документ был доставлен попечителю.

Визитации как форма административного контроля и социальной опеки университета над училищами округа формировали у лучших учеников мотивацию к поступлению в университет, а иногда заранее обеспечивали их протекцией. Профессора университета использовали накопленный опыт провинциальных педагогов для разработки учебных программ, учебников и учебных пособий для училищ. Так, профессорами Петербургского университета Е. Ф. Зябловским и Н. Г. Устряловым были написаны учебники и методические пособия для гимназий, уездных и приходских училищ, первым — по всеобщей географии, вторым — по русской истории [17; 18], не раз переиздававшиеся. Училищный комитет университета изыскивал средства в виде различных пожертвований на пополнение фондов училищных библиотек, организовывал продажу учебников через книжные магазины при гимназиях. Часть выпускаемых книг университет отправлял в учебные заведения. Причем безвозмездно распространялись учебники, написанные профессорами Петербургского университета и напечатанные в его типографии, за плату — присланные из других университетов.

Визитаторы и через них администрация университета и округа были посвящены в трудности организации и деятельности училищ. Во время инспекций визита-

торы обеспечивали учителей научно-методическими консультациями, а директоров — административной поддержкой. Поддерживались и личные контакты профессоров с учителями гимназий — бывшими студентами университета. Профессор Петербургского университета А. В. Никитенко, обозревавший учебные заведения Олонецкой губернии в 1834 г., отметил в своих мемуарах работу директора училищ М. И. Троицкого и учителя гимназии В. М. Копосова: «Экзаменовали учеников гимназии, Копосов — хороший учитель... Обедали у Троицкого. Этот человек неглупый. Его любят в городе» [19, с. 334]. Положительный отчет о состоянии учебного дела в Олонецкой дирекции стал основанием для их денежного вознаграждения за отличную и усердную службу в 1834 г.

Исследователи истории российского образования высоко оценивали эффективность университетского управления системой училищ в рамках учебных округов. Историк Санкт-Петербургского университета и советник министра народного просвещения А. С. Воронов отмечал «духовную связь» между университетами и средними учебными заведениями в лице Совета университета и преподавателей этих заведений, состоявших преимущественно из воспитанников университета [20, с. 103].

Что касается особого статуса и положения Санкт-Петербургского университета в этой системе, то до 1819 г. отчеты о состоянии дел в подведомственных дирекциях столичного учебного округа, в том числе полученные при посредничестве Училищного комитета Педагогического института и его визитаторов, подавались на имя попечителя и включались в его отчет перед министерством. Но и в институтском делопроизводстве отражена разнообразная деятельность по инспектированию училищ и лицензированию учителей. Масштаб и особенности этой деятельности обуславливались самим местоположением Педагогического института, а затем университета в столице империи. Институт имел не только право, но и более широкие, нежели в провинциальных университетах, возможности академического и профессионального лицензирования. В частности, непрерывным и массовым было лицензирование лиц, претендующих на вступление в службу, в том числе с дипломами иностранных университетов. «Комитет испытаний» Педагогического института выдавал свидетельства на право преподавания, не исключая преподавание в других университетах, принимал «экзамены на чин». Принципиально деятельность Педагогического института в этом направлении не отличалась от деятельности университетов. Однако численность училищ, включая частные пансионы, за счет Петербурга и Петербургской губернии значительно превосходила масштабы администрирования, определенные для провинциальных университетов.

С открытием университета организация управления училищами в округе изменилась. Университет стал ведать административными, хозяйственными и учебными делами во всех общеобразовательных учебных заведениях, расположенных на территории столичного учебного округа. Губернские директора народных училищ, ранее отчитывавшиеся перед попечителем, теперь представляли отчеты непосредственно ректору университета. Эти отчеты, содержащие «подробное изображение испытаний, состояния, в каком учение находится, приращения способов народного просвещения и недостатков, останавливающее оное», поступали в Училищный комитет, затем обсуждались на Совете профессоров. Ректор университета доставлял попечителю общий ежегодный отчет по округу, с включением обозрения состояния самого университета, для представления министру народного просвещения. В веде-

нии университета, таким образом, находились не только учебная, но и хозяйственная часть учебных заведений округа. Документы, касающиеся хозяйственных вопросов, проходили обсуждение в университетском Правлении [5, стб. 297]. Правление же утверждало в должностях учителей не только гимназий, но и уездных и приходских училищ. Это правило распространялось также на священников, занимавших учительские должности. Перевод учителя из одного места в другое внутри округа также решался Правлением. Училищный комитет присваивал звание уездных учителей тем, кто не получил законченного образования, выдавая свидетельства на право преподавания после соответствующих испытаний. Протоколы заседаний Училищных комитетов хорошо сохранились.

Совет университета избирал кандидатов на должность губернских директоров училищ и уездных смотрителей, делая о них представление Главному правлению училищ, ходатайствовал об их награждении. Этот порядок продолжался до 1835 г. и издания нового университетского Устава и положения об учебных округах.

Столичный университет, как до него Педагогический институт и Главный педагогический институт, влияли на дела училищ округа не только через систему администрирования, но и непосредственно через своих выпускников, распределяемых на учительские места. Только с 1807 по 1830 г. институтом и университетом было выпущено более 300 студентов, особенно многочисленными были первые два выпуска Педагогического института (1808, 1811). Также выпускались студенты в 1814, 1817/1818, 1823 гг. В 1830–1850-е годы миссию «рассадника учителей» выполнял уже второй Главный педагогический институт, открытый в 1828 г. и сохранивший связь с университетом.

С 1807 г. в Педагогическом институте (впоследствии — университете) ежегодно проходило распределение студентов по губернским гимназиям и уездным училищам, поскольку казеннокоштные студенты обязывались подпиской прослужить не менее 6 лет по ведомству Министерства народного просвещения. Список вакансий заранее оглашался студентам, кандидатуры выпускников, отправляемых на учительские должности, утверждал попечитель округа. Распределение по «учительским местам» проводила Конференция института (впоследствии — Совет университета), оно происходило с согласия студентов, составленного в письменной форме.

Распределение производилось и за пределы столичного учебного округа. Так, в 1808 г. при распределении студентов первого выпуска Педагогического института рассматривалось предложение об определении сразу 15 выпускников 1-го и 2-го разрядов на учительские вакансии в Харьковский учебный округ [21]. В итоге 6 студентов были отправлены в училища Харьковского округа, 7 — в Московский, 10 — в Казанский округ. Трое студентов посланы в Виленский округ, двое — в Тифлис, около 30 — в училища столичного округа, в том числе Морской и сухопутные кадетские корпуса, Царскосельский лицей, уездные училища Санкт-Петербургской губернии. Несколько человек были оставлены для преподавания и подготовки к магистратуре в самом институте.

Из числа отправленных в Казанский университет Григорий Никольский, Иван Дунаев и Измаил Срезневский через несколько лет получили должности экстраординарных, затем ординарных профессоров, а Никольский стал ректором университета. В 1812 г. выпускники Педагогического института Дружинин и Маницев были посланы преподавателями словесности в Абосский университет [22].

Всего в 1807–1810 гг. было распределено по училищам всех учебных округов 80 студентов первого выпуска и более 40 второго. 12 лучших студентов 1-го разряда, как известно, были посланы за границу на три года для подготовки к занятию кафедр в русских университетах; 6 умерли до окончания института; 7 были исключены: по болезни, за проступки, или переведены в другие учебные и научные учреждения (Медико-хирургическую академию, Академию наук), наименее способные отправлены преподавателями в уездные училища, до окончания полного курса. Это лишь общая статистика. Точные данные с фамилиями, местами распределения и этапами карьеры всех выпускников можно представить в виде *базы данных*, подготовка которой по материалам делопроизводства Педагогического института и университета — вопрос времени.

Министр народного просвещения С. С. Уваров, вдохновитель новой университетской и школьной реформы, полагал, что деятельность университета как высшего учебного заведения не должна распространяться на административные и хозяйственные дела учебного округа, а должна ограничиться рамками учебной и хозяйственной деятельности высшей школы. По мнению министра, с увеличением численности школ на местах усложнялся порядок управления ими. К тому же очевидны были «издержки» управления через университет: «медленность в распоряжениях, многосложность административных форм и затруднительность совещательного образа управления» [23, с. 6]. «Неудобство» управления через университет проявлялось и в том, что профессора университета в течение учебного года были заняты преподавательской деятельностью, а инспектировать училищные дирекции могли только во время летних вакаций, когда школы не работали. Проведение таких визитаций становилось малопродуктивным.

Реформа середины 1830-х годов изменила порядок управления и контроля над учебными заведениями со стороны университета. 2 июня 1835 г. было издано новое «Положение об управлении учебными округами», по которому учебные заведения на местах были изъяты из ведения университета и поступили под непосредственное управление попечителей. «Положение» устанавливало, что попечители округов «получают донесения от директоров училищ и гимназий и дают им разрешения или представляют свое заключение на утверждение министру народного просвещения» [24, с. 13]. С 1835 г. губернские дирекции училищ полностью перешли в ведение попечителя учебного округа.

Но связь учебных заведений на местах с университетом на этом не прекратилась. «Положение» предусматривало сохранение практики «обозрений» профессорами или адъюнктами университета учебных заведений подведомственного учебного округа, осуществляемых по личному приглашению попечителя, если такая поездка не мешала основной деятельности преподавателей. Кроме того, попечитель по мере необходимости мог запрашивать мнение университетского Совета об усовершенствовании преподавания наук, об утверждении дополнительных курсов и методических пособий для средних и низших училищ (§ 12). Ректор университета входил в Совет при попечителе, который решал вопросы непосредственной организации учебного дела на местах (§ 19). То есть административная и контрольная функция университета в отношении училищ округа была сохранена на весь дореформенный период, хотя и не в прежней степени.

Таким образом, длительная связь университетов с низшими училищами обеспечила необратимость реформы всей системы народного просвещения, начатой

в 1800-х годах. Школьная административная иерархия во главе с университетом одновременно становилась и социальным институтом рекрутирования в науку, преподавание, образование, по сути своей внесословным и экстерриториальным, поскольку управление школами было выведено из прямого подчинения местным губернским властям и передавалось университетам.

Источники и литература

1. Университет в Российской империи первой половины XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012. 671 с.
2. *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.
3. *Ткаченко А. В.* Учебно-методическое руководство в Харьковском университете школами в 1805–1835 гг. Харьков: Изд-во Харьковск. у-та им. А. М. Горького, 1957. 124 с.
4. Устав учебных заведений, подведомых Университету // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. I. Т. XXVIII. СПб.: Типогр. II Отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1830. № 21501.
5. Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов // Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. СПб.: Типогр. Балашева, 1864. Стб. 254–302
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 20. Д. 125.
7. Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по министерству народного просвещения за 1834 г. СПб.: [s.t.], 1835. 123 с.
8. *Кизель Н. К. Мазюкевич В. И.* Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии (1811–1911 гг.). Архангельск: Типо-литогр. С. М. Павлова, 1912. 532 с.
9. РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 25.
10. *Жуковская Т. Н., Калинина Е. А.* «Просвещенная окраина»: Олонецкая губерния в составе столичного учебного округа в первой половине XIX в. // Учен. зап. ПетрГУ. 2011. Ноябрь. № 7, т. 2. С. 12–18.
11. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 17. Оп. 5. Д. 5 / 11.
12. НАРК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 5 / 13.
13. РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 164.
14. *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. СПб.: Типогр. «Польза», 1878. 441 с.
15. РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 124.
16. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 4267.
17. *Зябловский Е. Ф.* Всеобщее землеописание для употребления в губернских гимназиях Российской империи. Ч. 1–2. СПб.: Изд. от Департамента народного просвещения, 1821. 354+328+41 с.
18. *Устрялов Н. Г.* Начертание русской истории для учебных заведений. СПб.: Типогр. Российской академии, 1839. 362 с.
19. *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе. Записки и дневники (1826–1877). Т. 1. СПб.: Изд-во М. В. Пирожкова, 1893. 356 с.
20. *Воронов А. С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 г. СПб.: Типогр. Я. Третья, 1849. 305 с.
21. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 451
22. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1080
23. Десятилетие Министерства народного просвещения (1833–1843). СПб.: Типогр. МНП, 1864. 247 с.
24. Положение об учебных округах министерства народного просвещения // Журнал министерства народного просвещения. 1835. Ч. 7. С. 11–15.

Статья поступила в редакцию 8 декабря 2013 г.